

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра всеобщей истории

**Современники о подготовке и раннем этапе Столетней войны
(на материалах хроник)**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

студента 2 курса 262 группы
направления 46.03.01 «История»
Института истории и международных отношений
Нерози Глеба Андреевича

Научный руководитель
д.и.н., профессор

Л.Н. Чернова

Зав. кафедрой
д.и.н., профессор

Л.Н. Чернова

Саратов 2025

Введение. Столетняя война (the Hundred Years' War, 1337–1453) – необычайно сложное и многослойное событие: начавшись с притязаний на французский трон двух родственников последнего короля Франции, Филиппа Валуа и Эдуарда Плантагенета, она постепенно переродилась в национальное открытое противоборство двух держав, двух народов. Не случайно именно с этой войной связывают зарождение национального самосознания. По замечанию. Э. Карри, «ничто так не способствует осознанию национальной идентичности и единства, как война, особенно затяжная»¹. Данный конфликт приобрел также широкий международный масштаб и резонанс. Тем не менее, как отмечал в середине XX в. английский историк А. Бёрн, «Столетняя война в целом для англичан – книга за семью печатями: никто из английских профессиональных историков, не говоря уже о военных, о войне или об отдельном ее периоде – за исключением битв при Креси, Пуатье и Азенкуре, – практически ничего не написал, несмотря на то, что эта война занимает огромное место в нашей истории. С французской стороны тоже никто эту тему не поднимал...»². За последние несколько десятилетий появился ряд работ по истории Столетней войны, но принципиально ситуация не изменилась. Это утверждение в полной мере относится и к раннему этапу Столетней войны.

Историография истории Столетней войны. При написании работы мы обращались к ряду исследований по данной теме зарубежных и отечественных специалистов. Столетняя война привлекала и привлекает внимание английских специалистов: А. Бёрна³, А. Брайданта⁴, К. Дэниела⁵, Г. Корригана⁶, Э. Карри⁷, Дж. Вагнера⁸. Среди исследований французских историков большую ценность представляют книги Э. Перруа⁹, К. Фаулера¹⁰, Ж. Фавье¹¹. Отечественная историография представлена работами В.В. Штокмар¹², Н.И. Басовской¹³, О.И. Нуждина¹⁴, Е. В. Калмыковой¹⁵.

¹ Curry, A. The Hundred Years' War 1337–1453. – Oxford, 2002. – P. 6.

² Бёрн, А. Битва при Креси. История Столетней войны с 1337 по 1360 год / пер. с англ. П.В. Тимофеева. – М., 2004. – С. 19.

³ Бёрн, А. Битва при Креси. История Столетней войны с 1337 по 1360 год.

⁴ Брайдант, А. Эпоха рыцарства в истории Англии / пер. с англ. Т.В. Ковалева, М.Г. Муравьева. – СПб., 2001. – 576 с.

⁵ Дэниел, К. Англия. История страны: Столетняя война. – М. ; СПб., 2007 [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: <https://history.wikireading.ru/215178> (дата обращения: 12.03.2022). – Загл. с экрана.

⁶ Корриган, Г. Столетняя война. Великое и славное приключение / пер. Н.К. Омеляновича, А.В. Николаева. – М., 2014. – 539 с.

⁷ Curry, A. The Hundred Years' War 1337–1453. – 94 p.

⁸ Wagner, J.A. Encyclopedia of the Hundred Years War. Includes bibliographical references and index. – Westport, Connecticut ; London, 2006. – 433 p.

⁹ Перруа, Э. Столетняя война / пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб., 2002. – 482 с.

¹⁰ Фаулер, К. Эпоха Плантагенетов и Валуа. Борьба за власть (1328–1498) / пер. с англ. С. А. Кириленко, вступ. статья А.Ю. Карачинский. – СПб., 2002. – 352 с.

¹¹ Фавье, Ж. Столетняя война / пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб., 2009. – 526 с.

¹² Штокмар, В.В. История Англии в средние века. – Изд. 2-е, доп. – СПб., 2005. – 210 с.

Таким образом, Столетняя война – объект значительного внимания как в зарубежной, английской и французской, так и в отечественной историографии. Наиболее традиционным и изученным аспектом Столетней войны является политическая история. Основную свою задачу исследователи XIX – первой половины XX в. видели в максимально точном и подробном изложении хода военных действий и дипломатических переговоров. Однако уже в этот период в английской и французской историографии определились основные дискуссионные вопросы, касающиеся истоков и причин войны (династической, экономической, территориальной), ее характера (феодалного, экспансионистского, национально-освободительного) и последствий; также внимание исследователей было сосредоточено на проблемах, связанных с ростом национального самосознания и консолидацией противостоящих государств (Э. Перруа). Во второй половине XX – начале XXI в. для изучения политической истории Столетней войны характерен более взвешенный подход. Большинство современных авторов отчетливо осознают не только ее общеевропейский контекст, но и нецелесообразность выделения какой-то одной причины в качестве главной или, тем более, единственной. Ориентация на комплексное изучение исторического процесса вынудила исследователей уделять больше внимания проблемам ментальности, социальным вопросам, оказывающим колоссальное воздействие на политическую историю. Кардинальные изменения произошли и в отношении исследователей к нарративным источникам. Исторические тексты перестали рассматриваться исключительно с точки зрения их достоверности и информативной репрезентативности.

Объект исследования – Столетняя война на этапе ее дипломатической подготовки и первых военных столкновений. **Предмет** исследования – отражение в хрониках XIV в. событий, связанных с подготовительным этапом и ранней стадией Столетней войны.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1327/28 гг. – времени начала правления Эдуарда III в Англии и Филиппа VI Валуа во Франции, при которых в практическую плоскость перешла подготовка конфликта и его начало (1337 г.) – до 1340 г. – подписание Эсплешенского перемирия между английским и французским королями. По необходимости, особенно при выявлении предыстории англо-французского противостояния, мы обращаемся к более раннему периоду.

Цель магистерской работы состоит в том, чтобы показать отражение подготовки и начала конфликта на страницах хроник раннего периода Столетней войны.

¹³ Басовская, Н.И. Столетняя война 1337–1453 гг. – М., 1985. – 185 с.; Басовская, Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. – М., 2010.

¹⁴ Нуждин, О.И. Парижский договор 1258/1259 гг. и прелиминарии Столетней войны // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 3. – С. 138–147.

¹⁵ Калмыкова, Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. – М., 2010. – 664 с.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных **задач**: 1) выявить представления хронистов о причинах Столетней войны, обратив внимание на факторы Шотландии, Гаскони и Фландрии, а также династические притязания английского короля; 2) показать восприятие хронистами событий, связанных с подготовкой Англии и Франции к конфликту; 3) рассмотреть трактовки в хрониках первых столкновений в ходе начавшейся войны.

Научная новизна магистерской работы состоит в том, что в ней впервые предпринимается попытка рассмотреть, каким образом хронисты – современники конфликта – трактовали дипломатическую подготовку и начало Столетней войны. При этом обращается внимание на восприятие участников подготовительного этапа и ранней стадии войны, а также ее событийной канвы проанглийскими и профранцузскими авторами хроник.

Методология исследования. Работа строится на принципах научной объективности и историзма, которые являются основными принципами научного исследования. Кроме общенаучных методов дедукции и индукции, анализа и синтеза, в работе применялись специальные исторические методы: идеографический (описательно-повествовательный) и хронологический, позволившие описать интересующие нас события во временном порядке; проблемно-хронологический метод, давший возможность изучить проблему подготовки и начала Столетней войны в последовательности ее развития. Для изучения проблемы восприятия, выяснения того, как люди интерпретируют и передают события, на которых сконцентрировано внимание в данной работе, нами использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы, при помощи которых произведено сравнение исторических хроник разных авторов и выявлены их общие и специфические взгляды на участников и события подготовки и раннего этапа Столетней войны.

Источниковая база. При написании работы привлекались разнообразные исторические источники: нарративные и документальные.

В первую очередь нами привлекались к использованию нарративные материалы – хроники: «Правдивые хроники» Жанна Ле-Беля¹⁶, «Французская хроника Лондона»¹⁷, «Фландрская хроника»¹⁸ и приложение к ней в виде фрагментов «Анонимных хроник»¹⁹ и «Анонимная Бернская хроника»²⁰. Стоит отметить хронику под названием «Продолжение исторического руководства, составленного для Филиппа VI»²¹.

¹⁶ Ле-Бель, Ж. Правдивые хроники // Хроники и документы времен Столетней войны / сост., пер., комм. М. В. Аникиева ; под ред. Ю. П. Малинина. – СПб., 2005. – С. 35–113.

¹⁷ Французская хроника Лондона // Там же. – С. 226–234.

¹⁸ Фландрская хроника // Там же. – С. 114–160.

¹⁹ Анонимные хроники, хранящиеся в Парижской Национальной библиотеке // Там же. – С. 161–166.

²⁰ Анонимная Бернская хроника // Там же. – С. 167–218.

²¹ Продолжение исторического руководства, составленного для Филиппа VI // Там же. – С. 219–225.

В качестве дополнительных источников мы привлекали ряд документальных источников: манифесты, декларации, договоры и официальные письма. В их числе: «Манифест Эдуарда III от 1337 г., объясняющий причины войны с Францией»²², «Декларация Эдуарда III по поводу срыва переговоров с Филиппом VI (август 1337 года)»²³, «Оммаж, принесенный Эдуардом III Филиппу де Валуа за герцогство Гиеньское»²⁴, документ «Принятия Эдуардом III титула и герба короля Франции»²⁵, «Союзный договор с городскими общинами Фландрии»²⁶, «Эсплешенский договор о годичном перемирии, заключенный между Францией и Англией (25 сентября 1340 г.)»²⁷, «Отдельное письмо, посланное Галлуа де Ла-Бомом нашему государю – королю Эдуарду»²⁸, «Письмо Эдуарда III о битве при Эклюзе (28 июня 1340 г.)»²⁹.

Представленные источники отражают точки зрения разных сторон, участвовавших в войне, и взаимно дополняют друг друга. Они позволяют реализовать поставленные цель и задачи исследования, которые определили структуру магистерской работы. Она состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Имеющиеся в нашем распоряжении исторические источники позволяют реализовать поставленные цель и задачи работы, которые определили структуру бакалаврской работы. Она состоит из «Введения», двух глав, разделенных на параграфы, «Заключения», «Списка использованных источников и литературы» и «Приложений».

Основное содержание работы. В первой главе «Хронисты о причинах Столетней войны» рассматриваются позиции современников англо-французского противостояния относительно территориальных споров двух феодальных монархий, столкновений их экономических и политических интересов в Аквитании, Фландрии и Шотландии, династических раздоров, отражение на страницах хроник и некоторых других источников сложных дипломатических игр, государственных и личных претензий, ставших причинами военно-политического конфликта.

²² Манифест Эдуарда III от 1337 г., объясняющий причины войны с Францией // Сборник документов по истории международных отношений в Средние века / сост. О.И. Нуждин. – Екатеринбург, 2001. – С. 65.

²³ Декларация Эдуарда III по поводу срыва переговоров с Филиппом VI (август 1337 года) // Хроники и документы времен Столетней войны. – С. 269–271.

²⁴ Оммаж, принесенный Эдуардом III Филиппу де Валуа за герцогство Гиеньское // Там же. – С. 257.

²⁵ Принятие Эдуардом III титула и герба короля Франции, 1340 г. // Сборник документов по истории международных отношений в Средние века. – С. 67–68.

²⁶ Союзный договор с городскими общинами Фландрии // Хроники и документы времен Столетней войны. – С. 303.

²⁷ Эсплешенский договор о годичном перемирии, заключенный между Францией и Англией (25 сентября 1340 г.) // Там же. – С. 325–327.

²⁸ Отдельное письмо, посланное Галлуа де Ла-Бомом нашему государю – королю Эдуарду // Там же. – С. 286.

²⁹ Письмо Эдуарда III о битве при Эклюзе (28 июня 1340 г.) // Там же. – С. 321–322.

Во второй главе «Дипломатическая подготовка и начальный этап конфликта на страницах хроник» рассматриваются вопросы о подготовке английской и французской стороны к войне, основных событиях и результатах первого периода Столетней войны. Этот военный конфликт стал крупнейшей войной европейского масштаба, втянувшей через систему союзнических связей такие страны, как Империя, Фландрия, Арагон и Португалия – на стороне Англии; Кастилия, Шотландия и папство – на стороне Франции. Особо внимание уделяется в работе позиции современников этих событий, военным кампаниям этого периода и дипломатическим взаимоотношениям.

Заключение. Военный конфликт, известный как Столетняя война, стал крупнейшей войной европейского масштаба, втянувшей через систему союзнических связей такие страны, как Империя, Фландрия, Арагон и Португалия – на стороне Англии; Кастилия, Шотландия и папство – на стороне Франции. Эдуард III пытался реализовать свое право на французскую корону, ведь это была традиционная линия поведения для дома Плантагенетов. Начиная с Генриха I, основателя династии, английский правящий дом не оставлял надежд на создание общей империи из английских земель и большей части территорий Франции под эгидой английской короны. Филипп VI имел виды на Фландрию, Шотландию и Гасконь. Но каковым было восприятие этого конфликта, его участников и событий непосредственными участниками и современниками? Ответам на данный вопрос и посвящено магистерское исследование.

«Правдивые хроники» Жана Ле-Бея, жившего на территории формально нейтрального епископства Льежского, проникнуты рыцарской идеологией и в общем имеют проанглийскую направленность. Все повествование построено на данных, полученных устным путем, рассказ строится на собственных воспоминаниях автора и свидетельствах надежных очевидцев. В «Прологе» Ле-Бель заявляет, что намерен составить для потомков достоверное и непредвзятое описание военных событий недавнего прошлого. Главное для него – точно отобразить военные достижения противоборствующих сторон. Уже в начале «Пролога» он предупреждает, что главным героем его труда будет «благородный король Эдуард Английский». И действительно, читая «Правдивые хроники», можно без труда убедиться, что авторские симпатии целиком отданы Эдуарду III, но никак не его противнику, Филиппу VI Валуа. Если первый постоянно аттестуется как «благородный король», то в случае со вторым этот эпитет многозначительно опущен. И тенденциозная позиция автора все-таки дает о себе знать. Филипп VI часто изображается Ле-Белем в довольно неприглядном свете. Хронист ставит ему в вину неоправданную жестокость. Ле-Бель исподволь подводит читателя к мысли, что французский король сам накликал беды на себя и свою страну. Именно грубое вмешательство Филиппа VI во внутренние дела фландрских правителей, полное пренебрежение к их политическим интересам предопределил их переход

на сторону Англии в грядущей войне. Показав несправедливость, жестокость и политическую близорукость французского короля, Ле-Бель затем старается продемонстрировать его несостоятельность как военного лидера. Повествуя о вторжении Эдуарда III во Францию осенью 1339 г., хронист неоднократно подчеркивает, что нерешительная, выжидательная тактика Филиппа VI очень удивляла англичан и разочаровывала французских союзников.

В контрасте с этим невыгодным портретом французского короля, образ Эдуарда III получает дополнительный блеск и привлекательность. Рассказывая о первых годах правления юного Эдуарда, Ле-Бель отмечает, что он очень рано проявил в себе задатки храброго и умелого полководца. Разделяя со своими воинами все походные тяготы, король заслужил преданное и уважительное отношение с их стороны. Образ Эдуарда III окружен на страницах «Правдивых хроник» ореолом славы и героизма. Наряду с воинской доблестью, Эдуард III демонстрирует щедрость и куртуазность – качества, необходимые для того, чтобы завоевать сердца вассалов и подданных. Особое внимание Ле-Бель обращает на то, что Эдуард стремится править, руководствуясь советами мудрых людей своего королевства, и готов встать на защиту законности и справедливости при любых обстоятельствах. Справедливость и мудрость короля проявляются также и в том, что он не забывает щедро награждать людей, отличившихся у него на службе. Наконец, Ле-Бель показывает, что возмужавший и набравшийся опыта Эдуард готов всеми силами отстаивать внешнеполитические интересы своего государства, равно как и свои собственные наследственные права. Подчинив большую часть Шотландии (этому сюжету хронист уделяет очень большое внимание, поставив ее в центр изложения Эдуарда III), он решает заявить о своих притязаниях на французский престол. При этом он, в отличие от Филиппа VI, может смело рассчитывать на поддержку своих вассалов и подданных. Широкомасштабная дипломатическая подготовка, развернутая Эдуардом III на континенте перед началом Столетней войны, получает очень красочное отображение на страницах труда Ле-Бея. Возможно, ошибаясь в некоторых фактических деталях, хронист верно передал общую суть событий. Благодаря умелым и тщательно спланированным дипломатическим демаршам, Эдуард III сумел сколотить мощный антифранцузский блок в прирейнских землях Германской империи. Политическая прозорливость и осмотрительность, проявленная английским королем при подготовке к войне, получает высокую оценку хрониста.

Завершив необходимые военные приготовления, Эдуард III высаживается в Антверпене, чтобы повести коалиционные войска на завоевание Франции (1338 г.). И даже ситуацию с нежеланием имперских сеньоров немедленно выступить в поддержку англичан Ле-Бель использует, чтобышний раз выгодно оттенить незаурядные душевные качества Эдуарда III. Он не предается бессильному гневу и отчаянью, а де-

монстрирует редкое самообладание и дипломатический такт. Другой важный эпизод, в котором Эдуард III предстает перед нами в образе героя-триумфатора, это морская битва при Эклюзе (Слэйсе, 1340). Наградой за героизм короля стало полное уничтожение вражеской флотилии и небывалый рост престижа английского монарха.

Личность Эдуарда III послужила Ле-Белю прототипом для создания образа идеального государя-рыцаря, который сам воспитывает в себе необходимые качества путем преодоления суровых физических и нравственных испытаний, подстерегающих его на пути к высокой цели. В эпоху, когда рыцарская этика переживала серьезный кризис, когда прежние идеалы верности, чести и бескорыстного служения долгу обесценивались в результате неуклонного распространения индивидуалистических и прагматических тенденций в общественном сознании, образ прославленного героя, сумевшего на практике следовать лучшим духовным традициям рыцарства, был весьма актуален.

Анонимный автор (скорее всего, лондонский горожанин) «Французской хроники Лондона» освещает ход войны в строгом соответствии с официальной позицией, заявленной английским королем и его приближенными. Будучи современником, если не очевидцем, всех освещаемых им событий, свое повествование он открывает рассказом о правлении Эдуарда I и завершает его на событиях 1342 г. Примечательно, что при рассмотрении причин Столетней войны хронист поначалу совершенно обходит стороной династический вопрос. В его представлении, война была развязана Филиппом VI, который стремился прибрать к рукам все континентальные владения английской короны. Исчерпав все средства, пригодные для достижения мира, Эдуард III был вынужден перейти к активной обороне. Очевидно, что хронист, в данном случае, отражает официальную точку зрения, усиленно пропагандировавшуюся английским правительством в самом начале войны.

Тема претензий Эдуарда III на французский престол возникает во «Французской хронике Лондона» лишь после рассказа о кампании 1339 г. Отметив трусость и малодушие Филиппа VI, оставившего свои владения без всякой защиты, хронист заявляет, что тем самым Филипп де Валуа утратил имя и звание короля Франции, а король Эдуард принял титул «истинного короля Франции и Англии». Таким образом, хронист зафиксировал важное изменение в официальной позиции Эдуарда III, предназначавшейся для «домашнего пользования»: после кампании 1339 г. английский король, почувствовав слабость противника, раскрывает перед подданными свои далеко идущие планы и средствами пропаганды старается превратить свой сравнительно скромный военный успех в громкую моральную победу. Примечательно, что даже после этого хронист продолжает изображать войну как оборонительную для англичан. По его мнению, французский флот, сосредоточенный возле Эклюза (Слэйса), должен был

вскоре отправиться на завоевание Англии. Следовательно, разгромив его, Эдуард III нанес упреждающий удар и спас свое королевство от грозной опасности.

Тенденциозно-пропагандистский характер «Французской хроники Лондона» проявляется и в описании битвы при Сент-Омере (26 июля 1340 г.), и осады Турне. Энергичные и решительные действия осажденных не получили в его труде никакого освещения. Эдуард III изображен как хозяин положения, полностью владеющий военной инициативой, и на его фоне Филипп VI выглядит жалким ничтожеством.

Пересказывая содержание Эсплешенского договора о перемирии, хронист вновь грешит против истины. По его словам, один из пунктов договора предусматривал переход под управление Эдуарда III Нормандии и Анжу, т.е. французских земель, принадлежавших династии Плантагенетов до начала XIII в. В действительности ни о чем подобном речь в договоре не шла, хотя английская сторона и выдвигала свои претензии на вышеназванные территории.

Объясняя причины, по которым Эдуард III был вынужден снять осаду с Турне и заключить Эсплешенское перемирие, хронист в первую очередь указывает на отсутствие у короля финансов для продолжения военных действий. При этом он характеризует как «лживых изменников» тех английских сановников, которые не обеспечили поступление необходимых средств в королевскую казну. Таким образом, даже при освещении внутривосточной ситуации в Англии хронист строго придерживается точки зрения, заявленной Эдуардом III и его ближайшим окружением. Это может служить дополнительным доводом в пользу того, что «Французская хроника Лондона» создавалась по заказу и под присмотром высших муниципальных властей, и главная задача анонимного автора состояла в том, чтобы представить итоги недавних военных предприятий Эдуарда III в самом выгодном для него свете.

С иных позиций написаны следующие три хроники. «Фландрская хроника» создана жителем (возможно, членом магистрата или секретарем при органах муниципального самоуправления) приграничного города Северной Франции – Сент-Омера, который стал одним из главных объектов английского нападения летом 1340 г. Будучи сторонниками Филиппа VI Валуа, автор этой хроники освещает военные события с точки зрения третьего сословия. Многие его высказывания свидетельствуют о том, что он всегда считал себя верноподданным французской короны, и приход к власти династии Валуа несколько не повлиял на его убеждения. В его представлении Филипп IV Красивый, всеми силами старавшийся обуздать вольнолюбивую Фландрию, – это «добрый король».

Истоки Столетней войны и самая ранняя ее стадия не получили у хрониста подробного и последовательного освещения. Династические причины конфликта каким-то странным образом вообще выпали из его поля зрения. Это обстоятельство, как нам

кажется, можно объяснить тем, что автор не хотел бросать и тени сомнения на законность избрания Филиппа VI Валуа и потому решил не останавливаться на династических притязаниях противной стороны.

Нельзя сказать, что узловые моменты англо-французских противоречий не нашли никакого отражения в труде автора, но сведения, которые он приводит, страдают фрагментарностью и однобокостью. Так, например, он неоднократно говорит о дипломатической поддержке, которую Филипп VI Валуа оказывал шотландцам в их борьбе против Англии, однако при этом обходит молчанием сам факт заключения военного союза между Францией и Шотландией, равно как и его условия. «Гиеньский вопрос» затрагивается хронистом лишь косвенно. Он рассказывает о том, что французские войска захватили летом 1324 г. ряд территорий в английской Гиени, но дальнейшие последствия этого события остаются вне его поля зрения. Если верить ему, в 1329 г. на встрече в Амьене Эдуард III принес оммаж Филиппу VI без каких-либо условий и возражений.

Вопреки возможным ожиданиям, роль Фландрии на раннем этапе Столетней войны тоже не получила у хрониста достаточно подробного и комплексного освещения. Он не счел нужным рассказать о бедственном положении Фландрии в связи с торговой блокадой, объявленной Эдуардом III в 1337 г., поэтому дальнейшее изгнание графа Фландрского, приход к власти Якоба ван Артевельде и заключение англо-фламандского союза выглядят скорее как проявление злой воли вечно мятежных фламандцев, нежели как вынужденные меры с их стороны. Сам Якоб ван Артевельде изображается как политический ставленник англичан, и хотя при этом отмечены его высокие умственные способности, сомневаться в негативном отношении автора к гентскому вождю не приходится.

Уделив не слишком много внимания объективным причинам англо-французского конфликта, хронист решает проблему за счет объяснения мотивации отдельных его участников. Подобно Жану Ле-Белю, он отводит роль главных разжигателей войны Роберу д' Артуа и графу Гильому I Эно, каждый из которых имел личные счеты с Филиппом VI Валуа. Выгодно отличается своей точностью и обстоятельностью рассказ о битве под Сент-Омером, в котором содержится масса колоритных и интересных для историка деталей, не позволяющих усомниться в том, что мы имеем дело со свидетельством непосредственного очевидца.

Надо заметить, что лояльное отношение автора к французской монархии не мешает ему с довольно едким скепсисом изображать знатных рыцарей, служащих в королевском войске, а также высокопоставленных сановников и военачальников, в тех случаях, когда они действуют во вред государственным интересам и пренебрегают своим служебным долгом. Особенно наглядно эта критическая тенденция проявляется

в рассказе о Кассельской битве. Та же осуждающая усмешка хрониста видна и в рассказе о том, как войско Эдуарда III беспрепятственно razорило приграничные земли Северной Франции осенью 1339 г. По мысли автора, французский король Филипп VI искренне стремился защитить свои владения, однако его приближенные, то ли по нерадивости, то ли по злему умыслу, помешали ему это сделать. Сначала королю сообщали неверные сведения о сроках вражеского вторжения, а затем дезинформировали его о маршруте следования неприятеля и о степени защищенности его боевых позиций. Редкие голоса, пытавшиеся донести до короля правду, немедленно тонули в негодующем хоре знатных царедворцев. Не менее суровой оценки со стороны хрониста заслужило и поведение французского адмирала Николя Бегюше, который решил «сэкономить» казенные деньги (явно в собственных интересах) и на вербовал в свою флотилию только бедных рыбаков и матросов, вместо профессиональных военных. Когда же настает день сражения с флотом Эдуарда III, самоуверенный адмирал, доселе имевший дело только с казначейскими счетами, отвергает спасительный совет бывшего корсара Барбевера и отказывается вывести свои корабли из тесной Двинской бухты, где они были обречены на уничтожение. И опять за этим повествованием просматривается невеселый авторский вывод: добрые королевские подданные честно платят в казну налоги на содержание армии, а недалекие и своекорыстные сановники распоряжаются этими средствами без всякого толка и даже к ущербу для королевства.

Анонимная «Бернская хроника», скорее всего, была написана человеком духовного звания, который тоже жил в пограничных землях Северной Франции (быть может, был жителем Лилля или Арраса). Как и в случае с предыдущим хронистом, автор «Бернской хроники» занимает ясно выраженную профранцузскую позицию, и противники французской монархии неоднократно удостоиваются довольно нелицеприятных отзывов с его стороны. При этом следует отметить, что хронист уделяет пристальное внимание родственным связям, влиявшим на политику западноевропейских правящих домов, и династическая коллизия, послужившая поводом к Столетней войне, получила у него намного более последовательное и вдумчивое освещение. Уже перейдя к рассказу о военных действиях между Филиппом VI и Эдуардом III, автор «Бернской хроники» задерживает внимание на обстоятельствах, которые придают проблеме престолонаследия дополнительную остроту и сложность. Поскольку власть Филиппа VI не имеет под собой прочного легитимного основания, он не может рассчитывать на безоговорочную преданность своих вассалов и подданных. Опасаясь измены и удара в спину со стороны собственных приближенных, король вынужден отдать военную инициативу в руки противника и с бессильной горечью наблюдать, как идет разорение его страны. В силу этого фигура Филиппа VI нередко изображается хронистом в глубоко трагичных тонах. Все эти штрихи и детали в повествовании хро-

ниста создают общую картину шаткости и ненадежности, характерных для правления Филиппа VI Валуа. Кроме того, они помогают лучше понять причины выжидательной тактики, избранной королем.

События, происходившие во Фландрии перед началом Столетней войны и на первом ее этапе, тоже получили в «Бернской хронике» более подробное освещение, нежели во «Фландрской хронике». Автор ясно показывает, что к сближению с Англией фламандцев толкнула торговая блокада, объявленная Эдуардом III. Другим фактором, обусловившим окончательный переход фламандцев на сторону английского короля, стали военные неудачи Филиппа VI и, как следствие, падение его престижа в глазах подданных.

События, освещаемые в «Продолжении исторического руководства, составленного для Филиппа VI», происходили в период с 1327 по 1339 г. и в общей своей массе имеют прямое отношение к раннему этапу Столетней войны. Ни имя хрониста, ни его социальная принадлежность не поддаются точному определению. Скорее всего, он мог быть либо клириком, либо мирянином из горожан. Определяя причины англо-французского конфликта, хронист ставит на первое место не династический спор и не «Гиеньский вопрос», как это можно было бы от него ожидать. Главную причину войны он видит в нежелании Филиппа VI отказаться от военно-политического союза с Шотландией, который был заключен еще его предшественником, Филиппом IV Красивым. Такой взгляд, хотя и будучи спорным, красноречиво свидетельствует о стремлении хрониста отделять объективные и основополагающие причины событий от субъективных и второстепенных. Не менее интересной кажется нам и позиция, занимаемая хронистом по отношению к французскому королю Филиппу VI. Храня почти-тельность и лояльность к королевской власти как к таковой, он вместе с тем позволяет себе делать весьма критичные замечания по поводу фискально-денежной политики Филиппа VI. Отрицательную оценку дает он и «оборонительным мероприятиям», которые проводились в землях Северной Франции в 1339 г., накануне вторжения армии Эдуарда III. По мысли хрониста, отсутствие в ходе кампании 1339 г. общего, слаженного руководства над гарнизонами французских крепостей привело к тому, что неукрепленные населенные пункты оказались обречены на разорение.

Таким образом, количество союзников, привлеченных обеими сторонами конфликта, численность их армий, масштабность и ожесточенность военных столкновений – все это поражало воображение современников. Изумление вызывала и объявленная ставка борьбы – корона Франции – самого богатого и могущественного государства тогдашнего христианского мира. Стремительное изменение расстановки сил на международной политической сцене, небывалое унижение Франции, связанное с военными успехами Эдуарда III, жестокие вспышки социальных противоречий и

опустошительные эпидемии чумы – все это порождало в людях убежденность, что они стали свидетелями событий грандиозных и беспрецедентных по своей важности, что на их глазах происходит смена исторических эпох. Желание донести до потомков как можно более полную и достоверную информацию о событиях недавнего прошлого служило серьезным стимулом для развития исторического жанра в литературе. Освещение же этих событий и их участников в полной мере определялось той позицией, которую они занимали к главным воюющим странам – Англии и Франции. Соответственно, справедливость самой войны, героизм, отвага, высокие душевные качества оказывались либо на стороне Эдуарда III, его армии и союзников, либо – Филиппа VI, его воинства и союзной коалиции.